

УДК 297

Родственные связи Мусы Бигиева

Ю. Н. Гусева,

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация*

В. С. Христофоров,

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация*

Kinship relations of Musa Bigiev

J. N. Guseva,

*Moscow City University,
Moscow, the Russian Federation*

V. S. Khristoforov,

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, the Russian Federation*

Аннотация

Публикуемая схема воспроизводит содержание ранее неизвестного документа Татарского отдела ОГПУ под названием «Схема связей Мусы Бигиева. 1930 год», который в графическом виде представлял родственные и дружественные контакты известного татарского богослова и общественно-политического Мусы Бигиева (1873-1949) и его тестя – Закира Камалова (1804-1893). Для удобства чтения и работы с документом авторы перевели рукописную схему в современный формат, был проведен общий анализ содержания схемы, охарактеризованы упомянутые в документе персоны из ближнего круга богослова. Наличие в документе авторитетных фамилий – представителей казанской религиозной и светской элиты – дает пищу для размышлений о конфигурации местных элит в 1920-е гг. и ее оценке внешними наблюдателями. Публикуемая схема и иные документы Татарского отдела, Восточного отдела ОГПУ показывают, что в 1920-е гг. взаимоотношения между видными татарскими религиозными и светскими деятелями описывались с использованием родственно-кланового нарратива. От сотрудников спецслужб не ускользали эти тесные горизонтальные связи родственно-кланового типа, сохранявшиеся в условиях советской модернизации. Документ также демонстрирует методы работы сотрудников советских спецслужб, которые уделяли повышенное внимание распознанию и выстраиванию цепочек контактов тех или иных национально-религиозных деятелей, в том числе, с использованием графики. Подобные графические материалы часто ложись в основу воображаемых социальных конструкторов – «антисоветских» центров, движений – которые впоследствии становились объектами преследований. Высказывается предположение, что схема могла стать обоснованием масштабного «Дела Бигиева».

Abstract

This article is devoted to present the published scheme, which reproduces the content of the previously unknown document of the Tatar Department of the OGPU entitled "The Scheme of Musa Bigiev's relations. 1930" with graphically represented the kinship and friendly contacts of the famous Tatar theologian and socio-political figure Musa Bigiev (1873-1949) and his father-in-law, Zakir Kamalov (1804-1893). The authors translated the handwritten scheme of the manuscript diagram into a modern format for easy reading and working with the document, also conducted a general analysis of the contents of the

scheme, and characterized the persons from the theologian's inner circle, who were mentioned in the document diagram. The presence in the document of authoritative names – the representatives of the Kazan religious and secular elite – gives food for thought about the configuration of the local elites in the 1920s. and its evaluation by external observers. The published diagram and other documents of the Tatar Division, Eastern Division of OGPU show that in 1920-s. the relationship between prominent Tatar religious and secular figures was described using a kinship-related narrative. These close horizontal ties of the kinship-clan type, which persisted under the conditions of the Soviet modernization, did not escape the notice of security officers. This document also demonstrates the working methods of the Soviet security services, which paid special attention to recognizing and building chains of contacts of the various national-religious figures, including the use of graphics. Such graphic materials often formed the basis of imaginary social constructs – “anti-Soviet” centers and movements – which later became the objects of persecution. It has been suggested that the scheme could have been the reason for the massive “Bigiev’s Affair”, which did not happen because of his escape from the USSR in 1930.

Ключевые слова

Муса Бигиев, ислам в СССР, советские мусульмане, Татарский отдел ОГПУ, имамы Казани, Закир Камалов, графические схемы связей.

Keywords

Musa Bigiev, Islam in the USSR, Soviet Muslims, the Tatar Department of the OGPU, Imams of Kazan, Zakir Kamalov, graphic schemes of connections.

Интерес к фигуре одного из крупнейших религиозных деятелей России первой половины XX в. Мусы Бигиева (1873-1949) не угасает, напротив, его оригинальное прочтение исламской традиции и неординарная биография вызывают все больший общественный интерес: ведется активный поиск и публикация его сочинений¹, в 2023 г. в Каире была обнаружена его могила².

Данная публикация содержит переведенный авторами в современный формат ранее неизвестный архивный документ ГПУ Татарской АССР (1922-1931) под названием «Схема связей Муссы³ Бигеева⁴. Рукопись. 1930 год. Без грифа». Исходный рукописный документ в графическом виде представляет родственные и иные контакты Мусы Бигиева и его тестя – Закира Камалова. Источник хранится в архиве Управления ФСБ России по Республике Татарстан в деле под названием «Родственники», не имеет грифа секретности⁵.

Современное бигиеведение богато на исследования различных аспектов его деятельности, в особенности в дореволюционный период⁶. В отдельных работах освещаются его международные связи, страницы его яркой биографии в советский период⁷. Семейная история наиболее полно представлена в работах родственницы богослова – Альмиры Тагирджановой, которая опирается на оригинальные источники, в том числе, на дневниковые воспоминания его жены – Асьмы Закировны Бигеевой (1884-1975) и дочери – Фатимы Мусовны Бигеевой-Тагирджановой (1918-2006)⁸.

Статья продолжает серию наших исследований, посвященных истории «советского» ислама и мусульман в 20-30-е гг. XX в.⁹, проливает свет на неизвестные нюансы биографии известного богослова.

Данная схема, помимо расширения знаний о Бигиеве, отношении к нему советских спецслужб, позволяет обратить внимание исследователей на два важных вопроса, касающихся истории советских мусульман Волго-Уральского региона, в том числе казанской религиозной элиты, в 1920-е гг.

Прежде всего документ обращает наше внимание на проблематику значимости родственных, клановых взаимодействий для социальной, культурной жизни мусульман Волго-Урала. Обилие упомянутых в источнике известных, авторитетных фамилий – представителей казанской религиозной и светской элиты – дает пищу для размышлений о характере взаимодействий внутри элит, о конфигурации социальных связей

в 1920-е гг., предоставляет материал для сравнения с современностью. Тесные родственные связи нынешних российских религиозных деятелей¹⁰ во многом наследуют социальной традиции, которую мы наблюдаем, изучая публикуемый документ.

В этот исторический период группы родства представляются частью политической культуры и практик традиционных обществ, существуют как социальные конструкции, которые наполняются определенными убеждениями, отношениями между людьми и группами. На примере национальных республик Средней Азии Изабель Оайон доказывает, что советское государство и его агенты были вынуждены признать родственные связи при попытке коренизации аппарата. Советы использовали силу родовой солидарности для разжигания классовых антагонизмов¹¹.

Кампании коренизации аппарата 1920-х и репрессий 1930-х гг. сделали для власти социально-родственные связи более заметными. Во многом это произошло из-за усилий сотрудников советских спецслужб, которые уделяли повышенное внимание распознаванию, репликации и конструированию данных сущностей – цепочек связей, кланов, движений, центров и пр.¹² Эти категории специфически воображались и описывались ими, в том числе, с использованием графики.

Излагая специфическое видение социального порядка в регионе в одном из ранее находившихся под грифом «секретно» докладов «О религиозно-националистическом движении среди татар в Татарской Республике за март месяц 1923 г.», сотрудники спецслужб отмечали: «Татары видят в ЧК (Чрезвычайной Комиссии. – *Авт.*) своих врагов, пытаются раскрывать осведомителей, давать дезы (дезинформацию. – *Авт.*), нельзя полагаться даже на коммунистов, которые связаны друг с другом... Большая внутренняя спайка, общая солидарность, бережно сохраняемые родственные связи переплетают наблюдаемый нами элемент в компактный клубок»¹³.

Второй аспект актуальности связан с оценкой глубины погружения сотрудников спецслужб в местный материал, пониманием ими специфики аналитической работы в отношении ислама в 1920-е гг. Проще говоря, какие данные собирались, как обобщались и представлялись руководству результаты работы?

В июне 1923 г. Татарский отдел ГПУ направлял указание своим подразделениям освещать деятельность «мусбуржуазии» и духовенства в «ежемесячных докладах с полным информированием о группах, лидерах, формах и степени влияния», в том числе, применяя графический метод учета связей¹⁴.

Ранее мы отмечали особенности использования ОГПУ графических методов для анализа информации о мусульманских лидерах СССР. Систематизация материалов в виде древа данных – именно этот тип графического описания представлен в данном документе – указывает на стремление к унификации сведений и приданию информации налета объективности. Выстраивание подобных схем создавало богатую почву для масштабирования угроз, конструирования фантома наступления «восточных контрреволюционеров», без деления на «панисламистов», «пантюркистов» «единым фронтом»¹⁵.

Возможно, данная схема должна была лечь в основу масштабного «Дела Бигиева», которое не состоялось ввиду его побега. Примеры, когда схемы становились весомыми доказательствами «панисламистских» и прочих заговоров мусульман-«антисоветчиков», увы, хорошо известны¹⁶.

Практически все персоны, обозначенные на схеме, попадали в поле зрения сотрудников спецслужб с начала 1920-х гг. Отмечалось, что религиозные лидеры имели высокий авторитет и являлись «фундаментом религиозного движения в пределах ТАССР». Деятельность перечисленных на схеме видных казанских религиозных деятелей квалифицировалась как «панисламистская», реже – как «националистическая»¹⁷. Сохранились характеристики – «выписки из меморандумов об активных деятелях панисламистского движения за июнь месяц 1923 года»,

в которых описываются общественно-политические шаги Бигиева и лиц, упоминаемых в документе¹⁸.

Контакты Бигиева с представителями казанской элиты отслеживались ОГПУ: с 1923 г. за ними было «установлено непрерывное наблюдение»¹⁹. Нет сомнений в том, что на каждого из деятелей, обозначенных на схеме, собирались материалы, которые могли быть пущены в ход сотрудниками ОГПУ. Например, приводились сведения, что после уфимского съезда Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) 1923 г. и выборов муфтия Бигиев посетил Чистополь, общался с муфтиями Крыма и Ташкента, был в Казани у муллы Касима Салихова, который дал обед в честь религиозных деятелей, а также пересекался с Ахметзяном Мустафиным (о них отдельно скажем позже)²⁰.

Таким образом, схема и иные документы Восточного отдела ОГПУ показывают, что представители советских спецслужб в 1920-е гг. при характеристике взаимоотношений между видными татарскими религиозными и светскими деятелями использовали, в том числе, родственно-клановый нарратив.

Что представляет собой содержание схемы? На ней дети Бигиева не обозначены, только супруга (Асьма), тесть – Закир Камалов и иные родственники из клана Камаловых. Обозначены также те авторитетные представители татарской, преимущественно – казанской, духовной элиты, с которыми Бигиев контактировал. Со многими из них богослов был знаком до революции. Всех упомянутых на схеме религиозных деятелей (о них скажем далее) объединяла общественная активность, участие в религиозно-образовательной деятельности в досоветский период, стремление переформатировать религиозную жизнь в условиях советской эпохи.

Возникает соблазн списать все на богатое воображение наблюдателей, стремившихся масштабировать связи, однако, вряд ли это будет корректно. Критический анализ этого документа показывает, что информация о родственных связях и контактах Бигиева с единомышленниками относительно корректна. Есть неточности в отношении семейных связей внутри клана З. Камалова, но мы не ставим своей целью их исправление.

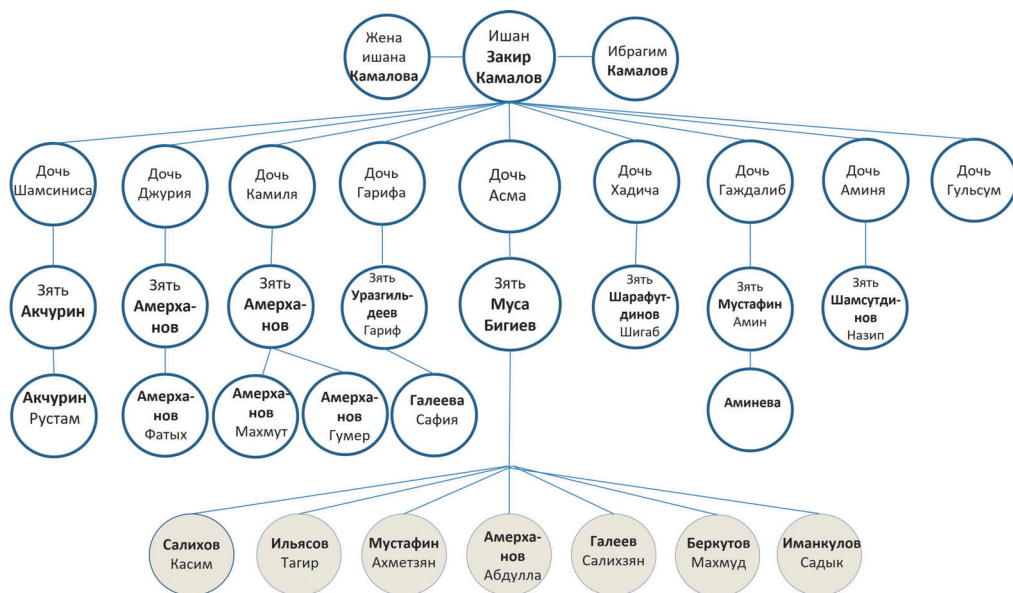

Схема связей Мусы Бигиева, выполненная авторами статьи по оригиналу схемы 1930 г.
The diagram of the links of Musa Bigiev, made by the authors of the article on the basis of the original 1930 scheme.

В центре схемы – ишан Закир Камалов (Абдул-Вагапов; он же – Закир Чистави, 1804-1893), который в г. Чистополе основал и управлял мектебе и медресе кадимистского типа²¹. Был шейхом накшбандийского тариката, имел большое количество учеников мюридов, среди которых самый известный – российский муфтий в 1917-1921 гг. Галимджан Баруди (Галеев) (1857-1921). Ишан имел большую семью, брачными связями пересекался со другими известными родами татарских мулл. Его дочери вышли замуж за мулл: Амина (1872-1942) – за Наджиба Шамсутдинова (Тунтари) (отсутствуют на схеме); Камилятенниса (Камяля, 1874-1943) – за Наджиба Амирхана (на схеме); Гарифа (1877-1963) – за Гарифа Уразгильдеева (на схеме); Асьма-Галия (1884-1975) стала женой Бигиева (на схеме). Умагульсум (1889-1957) стала женой фабриканта Абдуллы Акчурина (на схеме), Шамсенсия (1886-1930) – женой Рустема Акчурина (на схеме). Джуайрия являлась женой мугаллима Миргалима Мансурова (отсутствуют на схеме)²². В документе также отмечен сын З. Камалова – имам-хатыб 1-го мусульманского прихода г. Чистополь Ибрагим Камалов (1876 или 1877-1930), который в 1930 г. был репрессирован – сослан без права переписки.

Попутно отметим, что свадьба Мусы Бигиева с дочерью ишана Асьмой-Галией, состоялась в Чистополе 20 мая 1905 г. На никахе присутствовало около 500 человек, в том числе, наиболее видные мусульманские общественно-политические деятели со всей Российской империи. Во время мероприятия активно обсуждались вопросы о состоянии и перспективах развития мусульман. Как впоследствии написал Бигиев, свадьба стала «вторым заседанием партии» «Иттифак аль-муслимин»²³. «Этот никах, проведенный в мечети, самым решительным образом повлиял на мысли и настроения народа – он разбудил желание присутствовать на заседаниях (Всероссийского мусульманского. – Авт.) съезда на Макарьевской ярмарке»²⁴.

Лица, входившие в ближний круг Бигиева, но не являвшиеся его родственниками, также представлены на схеме. Большинство из них – сторонники новометодного образования, реформистских теологических идей и подходов. Среди них:

Касим Салихов (Салихов Мухаммадкасим Абдулгаллямович, 1871-1954) – представитель известной династии религиозных деятелей, именем которого названо медресе «Касымия» (Касимовское медресе). С 1899 г. – имам Апанаевской мечети. В мае 1924 г., на третьем съезде представителей мусульманского духовенства и верующих мусульман города Казани, был избран мухтасибом казанского городского участка мухтасибата. Наблюдатели из ОГПУ писали о нем, что мухтасиб К. Салихов был «обновленец», «человек весьма аккуратный, народом любимый, далеко не своекорыстный и к Соввласти не враждебный»²⁵. После закрытия Апанаевской мечети с 1930 г. являлся имам-хатыбом мечети «Марджани».

Абдулла Амерханов (Амирханов Габдулла Насретдинович, 1860-1933) – с 1898 г. – имам-хатыб 2-й Соборной мечети в Адмиралтейской слободе г. Казани. В 1924 г. избран помощником (мушавиром) казанского мухтасиба К. Салихова. Являлся одним из инициаторов открытия курсов по переподготовке мулл, медресе в 1925 г., потому ОГПУ считало его одним из наиболее «реакционных элементов мусульманского духовенства». После ареста в 1929 г. ему инкриминировалось участие в помощи захватившим Казань белогвардейцам, в деятельности «Милли Шура» и создании Забулачной республики, «нелегального медресе» и пр. Был выслан в Архангельск на три года. Реабилитирован²⁶.

Салихзян Галеев (Салихзян Мухамметзянович Галеев, 1862-1932) – сын казанского купца второй гильдии, промышленника Мухаметзяна Ибнаминовича Галеева (Галиева) (1832-1908), который пожертвовал средства на строительство знаменитого медресе «Мухаммадия», реконструкцию Галеевской мечети. Салихзян Галеев с 1890 по 1907 г. являлся имамом 10-й соборной мечети в Ново-Татарской слободе г. Казани²⁷, являлся сторонником модернизации религии.

Тагир Ильясов (Ильясов Тагир Ахметзянович, 1881-1933) – религиозный деятель, специалист в области арабского языка и литературы, преподавал эти предметы и математику в медресе «Мухаммадия» (1907-1916) и «Хусайния» (1916-1921), составитель татарско-арабского и арабско-татарского словарей, учебников. Являлся имам-хатыбом казанской мечети Марджани в 1921-1928 гг. В 1923 и 1926 гг. избирался членом совета улемов при ЦДУМ. Принимал участие во Всемусульманском конгрессе в Мекке 1926 г. Арестован в 1930 г., приговорен к пяти годам концлагеря, впоследствии выслан в Северный край. Скончался в Вологодской области²⁸.

Мухаммад-Садык Иманкулов (Иманкулов Мухамметсадык Шагиахметович, 1870-1932) – поэт, богослов, имам 9-й Соборной мечети («Иске-Таш») г. Казани, в 1919-1924 гг. – мухтасиб г. Казани. Был одним из организаторов городского нелегального медресе. Являлся главной фигурой большого дела «мульско-купеческой группы г. Казани»²⁹. В 1931 г. был арестован как участник «кулацко-мульской группировки», осужден на пять лет лагерей. Скончался от болезни в Белобалтлаге. Реабилитирован³⁰. Известен своим поэтическим творчеством и богословскими трудами (двухтомный комментарий к Корану «Тәһил әл-бәйән фи тәфсир ал-Куръән» (Облегчение разъяснения комментирования Корана).

Ахметзян Мустафин (Мустафин Ахметзян Мустафинович, 1902-1986) – имам-хатыб Московской соборной мечети в 1964-1986 гг. Родился в семье потомственных имамов татарского села Шубино Сергачского района Горьковской (ныне Нижегородской) области. В 1914-1921 гг. обучался в новометодном медресе Мухаммадия в г. Казань, в том числе, учился у известного богослова Галимджана Баруди. В 1930 г. в связи с развернувшейся коллективизацией и репрессиями уехал в Казань, где совмещал работу в различных, не связанных с религиозным служением сферах, с учебой в вечерней школе. Вскоре переехал в Москву, впоследствии был имам-хатыбом Московской соборной мечети, короткое время (1974-1975) исполнял обязанности муфтия Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС)³¹.

Мухаммад (Мухамет) Беркутов (1865-?) – имам-хатыб г. Мамадыш, мухтасиб Мамадышского кантона ТАССР, в дореволюционное и постреволюционное время являлся организатором местных школ, боролся за восстановление прав духовенства и возвращение мечетей верующим. Являлся сторонником реформистских идей. Участник Всероссийских мусульманских съездов 1920-1926 гг. В 1931 г. арестован в составе группы обвиняемых по делу «контрреволюционной буржуазно-националистической организации» в Мамадышском, Сабинском и Рыбно-Слободском районах. Приговорен к 10 годам концлагерей³². Реабилитирован.

В заключение отметим следующее. Трудно себе представить, что Бигиев, который в 1920-е гг. руководил мусульманской общиной Ленинграда и был публичной фигурой, не догадывался о том, что находится под постоянным наблюдением. В 1930 г. обстоятельства жизни Бигиева сильно осложнились. Попали под каток репрессий Т. Ильясов, А. Амерханов, И. Камалов. Своей мрачной очереди «ждали» другие близкие ему люди. Вопрос об аресте Бигиева был делом ближайшего времени³³. В ноябре 1930 г., оставив в Ленинграде жену и шестерых детей, Бигиев совершил нелегальный переход границы и навсегда покинул СССР. Его близкие, как члены семьи изменника Родины, пострадали³⁴.

Исходный документ – нарисованная от руки схема состоит из кружков с вписанными в них именами и фамилиями. Кружки соединены линиями, обозначающими связи между персонами. Цифры в кружочках, вероятно, расшифровывались на легенде, в которой содержались данные по каждой персоне. Легенда пока нами не обнаружена. Некоторые фамилии источника читаются с трудом, поэтому мы публикуем перерисованный вариант схемы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИД «Медина» издает серию «Наследие Мусы Бигиева». О спорах вокруг перечня и количества сочинений, принадлежащих ученому см.: Хайрутдинов А. Г. В поисках наследия Мусы Бигиева: доступное и искомое // *Minbar. Islamic Studies*. – 2018. – № 11 (3). – С. 608-618.
2. Принц Египта и Муфтий Татарстана в Каире установили памятный знак на могиле богослова Мусы Бигиева. Электронный ресурс. Режим доступа: https://dumrt.ru/ru/news/news_29860.html (дата обращения – 1.08.2024).
3. Ошибка в написании имени. Корректно – Мусы.
4. Авторы статьи придерживаются устоявшегося в современной историографии написания фамилии богослова – Бигиев.
5. Архив Управления ФСБ России по Республике Татарстан (далее – Архив УФСБ РФ по РТ), ф. 113, оп. 1, д. 60, л. 22.
6. *Гермез М.* Муса Джаруллах Бигиев. – Казань, 2009; *Баттал-Таймас Г.* Муса Ярулла Биги. – Казань, 1997; *Хайрутдинов А.* Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань: Иман, 1999; Его же. Муса Жаруллах Бигиев: фэнни-биографик жыентык / *Авт.-төз.: Хайретдинов А. Г.* – Казан: Жыен, 2022. – 832 б.
7. *Беккин Р. И.* «Я имею смелость сказать громко, что ... только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью» (Архивно-следственное дело Мусы Бигиева 1923-1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Вып. 6 (116). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840021687-4-1/> DOI: 10.18254/S207987840021687-4; *Гусева Ю. Н.* Волго-уральские мусульмане и Все-мусульманский конгресс в Калькутте (1923) // Современный взгляд на актуальные проблемы отечественной истории и культуры: сб. науч. работ преподавателей и аспирантов / Под общ. ред. В. В. Кириллова. – М., 2014. – С. 92-99; *Сафаров М.* Неизвестная фотография Мусы Бигиева: из истории московской мусульманской общины 1920-х гг. // *Медина аль-Ислам*. – 2015. – № 5 (163).
8. *Тагиржанова А.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. – Казань, 2010.
9. *Гусева Ю. Н.* Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). – Самара, 2013; *Христофоров В. С.* Советские спецслужбы открывают Восток. – М., 2019.
10. *Беккин Р. И.* «Люди в верности надежные...»: татарские муфтияты и государство в России (XVIII-XXI века). – М., 2022. – С. 311-313.
11. *Isabelle Ohayon.* The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s // *Central Asian Affairs*. – 2016. – № 3. – Р. 163-191.
12. В качестве одного из наиболее ярких и мрачных примеров такого социального конструирования можно привести дело 1940 г. «Цепь Корана» о репрессиях в отношении представителей мусульманского духовенства и верующих из Казахской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР и РСФСР (подробнее см.: *Гусева Ю. Н., Бегасилова Ж. А.* Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. // *Российская история*. – 2018. – № 2. – С. 99-110).
13. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России), ф. 2, оп. 1, д. 689, л. 123.
14. Там же, л. 12 об.
15. *Христофоров В. С., Гусева Ю. Н.* Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. – 2020. – С. 291. DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.020
16. См., например, уже упомянутое нами дело «Цепь Корана» (см.: *Гусева Ю. Н., Бегасилова Ж. А.* Указ. соч.).
17. О категориях «панисламизма» в практике работы советских спецслужб см.: *Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н., Христофоров В. С.* Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). – М., 2021. – С. 284-301.
18. *Гусева Ю. Н.* Российский мусульманин в XX веке. – Самара, 2013. – С. 111-112.
19. ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 1, д. 689, л. 170-186.
20. Там же, л. 175-176.
21. *Ахметова М. А.* Гаяз Исхаки в Чистопольском медресе // *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(3): 585-603. DOI 10.31162/2618-9569-2023-16-3-585-603
22. *Амирханов Р. У.* Закир ишан Камалов и татарское просвещение // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2001. – № 1/2. – С. 69-70.

23. В этот период партия выступала в роли общероссийского органа, координирующего культурно-просветительскую деятельность (Муса Джаруллах Бигиев. «Основы реформ» / Вступительная статья, перевод с татарского и примечания И. Ф. Гимадеева // *Rax Islamica*. – 2008. – № 1. – С. 32-44; *Сенюткина О. Н.* Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. – С. 49).
24. Муса Джаруллах Бигиев. «Основы реформ» ... – С. 35-36.
25. См.: *Бустанов А. К., Миннуллин И.* Визит муфтия Р. Фахретдинова в Казань в 1925 г. глазами мусульманской элиты: записка Саида Вахиди // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2014. – № 3/4. – С. 165-172.
26. Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор. *А. Ю. Хабутдинов*. – М., 2017. – С. 28.
27. Она же – «Ал мзечет» (Розовая мечеть) или «Низенькая Бухарская». Построена в 1808 г. на средства купца М. Апанаева, перестроена в 1906 г. Является объектом культурного наследия Республики Татарстан.
28. Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь... – С. 90.
29. *Миннуллин И. Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920-1930-е гг.). – Казань, 2006. – 220 с.
30. *Миннуллин И.* Дело «нелегального медресе» в Казани, 1927-1928 гг. // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2002. – № 3/4. – С. 110-117; *Ахунов А. М.* Мухаммед-Садык Иманкулый // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2001. – № 3/4. – С. 149-153; *Сафин А. Г.* Поэт, историк, богослов: Жизнь и творчество Мухаммад-Садыка Иманкулый (1870-1932) // *Minbar. Islamic Studies*. – 2020. – 13 (1). С. 63-74 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-63-74
31. *Зарипов И. А., Сафаров М. А.* Ахметзян Мустафин: из истории ислама в СССР / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – М.: ИД «Медина», 2017. – 404 с.
32. *Миннуллин И. Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане... – С. 115-116.
33. *Беккин Р. И.* «Я мог бы бежать и в Финляндию» (История одного несостоявшегося побега Мусы Бигеева) // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2018. – № 4. – С. 90-92.
34. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г., по истечении почти трех с половиной месяцев со дня отъезда Бигеева, были арестованы два имама и члены двадцатки соборной мечети Ленинграда. Старших детей Бигиева задержали в апреле-мае 1931 г. 18 августа 1931 г. жена и шестеро детей были объявлены членами семьи изменника родины и высланы в Вологду. О трагической судьбе семьи после отъезда Бигиева из страны см.: *Тагиржанова А.* Книге о Мусе-эфенди, его времени и современниках. – Казань, 2010.

Список литературы

- Амирханов Р. У.* Закир ишан Камалов и татарское просвещение // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2001. – № 1/2. – С. 69-78.
- Беккин Р. И.* «Я мог бы бежать и в Финляндию» (История одного несостоявшегося побега Мусы Бигеева) // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2018. – № 4. – С. 88-102.
- Беккин Р. И.* «Я имею смелость сказать громко, что ... только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью» (Архивно-следственное дело Мусы Бигиева 1923-1924 гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. – 2022. – Т. 13. – Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021687-4-1/DOI:10.18254/S207987840021687-4>
- Гусева Ю. Н., Бегасилова Ж. А.* Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. // *Российская история*. – 2018. – № 2. – С. 99-110.
- Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н., Христофоров В. С.* Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). – М.: Медина, 2021. – 460 с.
- Миннуллин И. Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920-1930-е гг.). – Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани, 2006. – 220 с.
- Тагиржанова А.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. – Казань, 2010. – 576 с.
- Хайрутдинов А.* Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань: Иман, 1999. – 127 с.
- Христофоров В. С., Гусева Ю. Н.* Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. – 2020. – С. 283-292. DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.020

References

Amirhanov R. U. *Zakir ishan Kamalov i tatarskoe prosveshchenie* [Zakir Ishan Kamalov and the Tatar Enlightenment]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2001, no 1-2, pp. 69-78.

Bekkin R. I. “Ya mog by bezhat’ i v Finlyandiyu” (*Istoriya odnogo nesostoyavshegosya pobega Musy Bigieva*) [“I could have fled to Finland” (The story of one failed escape of Musa Bigiev)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2018, no 4, pp. 88-102.

Bekkin R. I. “Ya imeyu smelost’ skazat’ gromko, chto ... tol’ko moe uchenie mozhet sblizit’ mir islama s sovetской vlast’yu” (*Arhivno-sledstvennoe delo Musy Bigieva 1923-1924 gg.*) [“I have the courage to say loudly that ... only my doctrine can bring the world of Islam closer to the Soviet power” (Archival and investigative case of Musa Bigiev 1923-1924)]. IN: *Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istoriya”* [The electronic scientific and educational journal “History”], 2022, vol. 13, no. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021687-4-1/> DOI: 10.18254/S207987840021687-4.

Guseva Yu. N., Begasilova Zh. A. *Delo o “panislamistskoj povstancheskoj organizacii” v Srednej Azii 1940 g.* [The case of the “pan-Islamist insurgent organization” in Central Asia 1940]. IN: *Rossiyskaya istoriya* [The Russian History], 2018, no 2, pp. 99-110.

Guseva Yu. N., Senyutkina O. N., Hristoforov V. S. *Pytayas’ ponyat’ i voobrazit’ islam... (obraz islama v soznanii rossijskikh elit 1880-h-1920-h gg.)* [Trying to understand and imagine Islam... (the image of Islam in the minds of the Russian elites of the 1880s-1920s)]. Moscow: *Medina* [Medina Publishing House], 2021, 460 p.

Hajrutdinov A. *Poslednij tatarskij bogoslov (zhizn’ i nasledie Musy Dzharullaha Bigieva)* [The Last Tatar Theologian (Life and Legacy of Musa Jarullah Bigiev)]. Kazan: Iman publ., 1999, 127 p.

Isabelle Ohayon (2016) The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930. IN: *Central Asian Affairs*, no. 3, pp.163-191.

Khristoforov V. S., Guseva Yu. N. *Graficheskij metod sbora i analiza dannyh raboty OGPU SSSR po “vostochnoj kontrrevolyucii” v 1920-e gody* [Graphical method of collecting and analyzing data on the work of the USSR OGPU on the “Eastern counterrevolution” in the 1920s]. IN: *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN*, 2020, pp. 283-292. DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.020

Minnullin I. R. *Musul’manskoe duhovenstvo i vlast’ v Tatarstane (1920-1930-e gg.)* [Muslim clergy and authorities in Tatarstan (1920-1930s)]. Kazan: Izd-vo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani publ., 2006, 220 p.

Tagirzhanova A. *Kniga o Muse-efendi, ego vremeni i sovremennikah* [The book about Musa-efendi, his time and contemporaries]. Kazan, 2010, 576 p.

Сведения об авторах

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета, e-mail: jguseva@mail.ru

Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, декан факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: xvsarhiv@rambler.ru

About the authors

Julia N. Guseva, Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow City University, e-mail: jguseva@mail.ru

Vasily S. Khristoforov, Doctor of Laws, Dean of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities, e-mail: xvsarhiv@rambler.ru

В редакцию статья поступила 28.08.2024, опубликована:

Гусева Ю. Н., Христофоров В. С. Родственные связи Мусы Бигиева // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 4. – С. 85-93.

Submitted on 28.08.2024, published:

Guseva J. N., Khristoforov V. S. *Rodstvennyye svyazi Musy Bigieva* [Kinship relations of Musa Bigiev]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 4, pp. 85-93.